Евгеній

Шкляръ

Огни на вершинахъ

Л·Г-Б·

Книгоиздательство ОТТО КИРХНЕРЪ и Ко
БЕРЛИНЪ

ЕВГЕНІЙ ШКЛЯРЪ

ОГНИ НА ВЕРШИНАХЪ

ТРЕТЬЯ КНИГА ЛИРИКИ

— Печатано въ типографіи Об-ва „ПРЕССЕ“. —
Berlin S.W. 19, Leipzigerstr. 59.

„Моя вѣчная Любовь вѣками терпѣливо ждетъ меня за завѣсой матеріальнаго міра. Во многихъ жизняхъ, во многихъ зеркалахъ я видѣлъ ея отраженіе.“

Рабиндранатъ Тагоръ

ОГНИ НА ВЕРШИНАХЪ

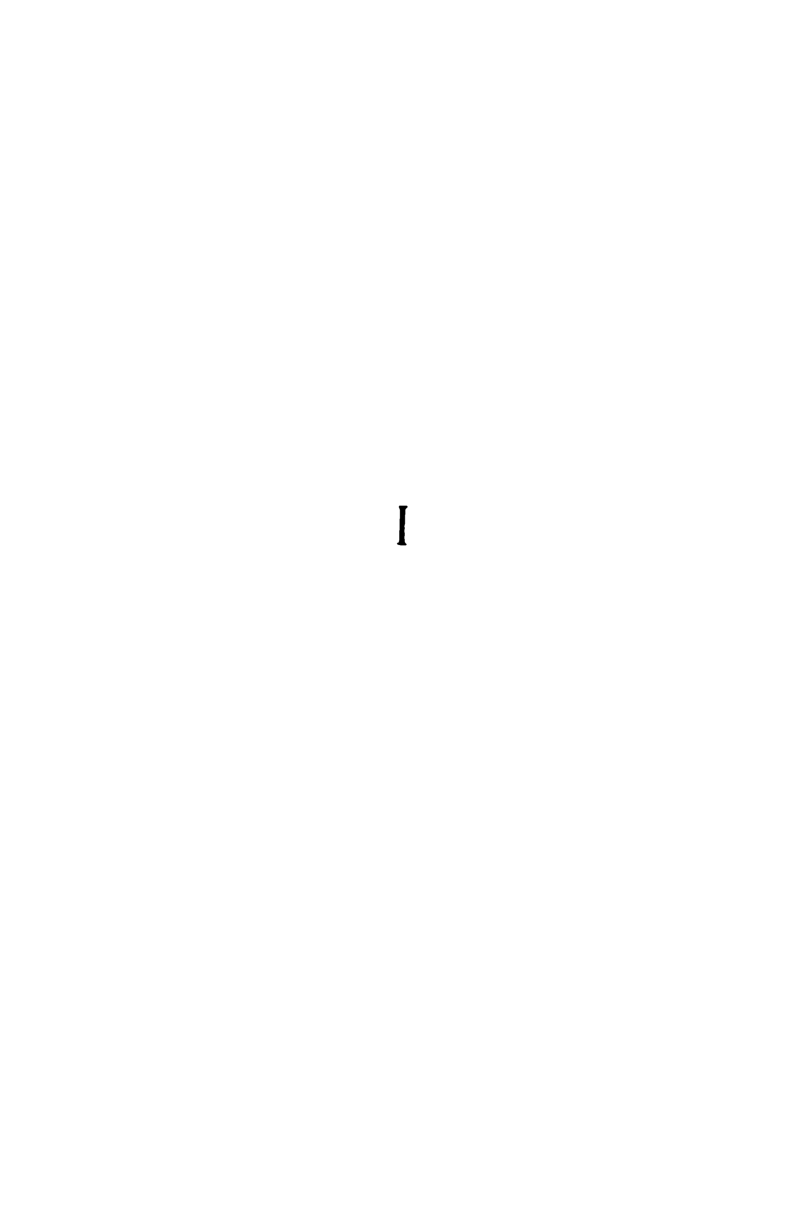
*
*   *

За извилистой сѣтью тропинокъ,
Все земное кончается тамъ,
Гдѣ мерцаютъ огни на вершинахъ,
Указуя пути къ небесамъ.

Гдѣ изъ мукъ зарождается слово,
А изъ слова — серебрянный звонъ,
Отзвенѣвшій затѣмъ, чтобы снова
Прозрѣнѣть на исходѣ временъ.

Не душа-ли звенитъ человѣчья,
Если бренное тѣло мертво,
И не тлѣетъ въ горахъ-ли, далече,
Боже, искра огня Твоего?

И не эти-ль огни на вершинахъ, —
Знакъ о томъ, что пора отдохнуть,
Что, томительно-скучный и длинный,
Завершенъ предуказанный путь.

I

*

* *

Предчувствую грядущаго пророка.
Не вѣдаю, кто онъ, и ликъ его каковъ,
Но знаю, — будетъ день, морозенъ и суровъ,
Какъ зоркое, недремлющее око.

Къ намъ свѣтлый гость пожалуетъ съ востока,
Какъ неожиданный и отдаленный зовъ,
Какъ пѣнный шумъ, неслышный издалека,
Но явственный у самыхъ береговъ.

*
*   *

Необозримыя пустыни,
И безпокойные вѣтра,
И снѣгъ, то розовый, то синій
Отъ разведеннаго костра.

Несусь на лыжахъ въ ровномъ бѣгѣ,
А снѣгъ порхаетъ веселѣй,
Напоминая мнѣ о снѣгѣ
Суровой родины моей.

*
* *

Когда томитъ тоска тупая,
Маня прилечь, уйти, уснуть,
Отрадно вѣрить, засыпая,
Что завтра снова — въ дальній путь,

Что завтра встанешь съ пѣтухами,
И, освѣживъ водой лицо,
Вспугнешь хрустящими шагами
Заиндевѣвшее крыльцо.

*
* *

Предъ щитомъ-ли Давида, предъ свя-
той-ли иконой,
Полумѣсяцемъ — стану молить:
«Господи, Русь многоплеменна,
Мнѣ-ли ее не любить?

Воззову, воскричу, что есть силы,
И до самой земли поклонюсь:
«Боже правый, спаси и помилуй
Многострадальную Русь!»

*
* *

Всѣ мы странствуемъ подъ парусомъ Надежды,
Всматриваясь въ пасмурную даль,
Кутаемся въ мокрыя одежды,
И таимъ нездѣшнюю печаль.

Странствуемъ, покуда не устанемъ,
И завѣтный крикъ: «Земля, земля!»
Не раздастся въ черномъ океанѣ,
На борту родного корабля.

*
* *

Есть лица, цвѣтъ которыхъ бѣлый-бѣлый,
Въ глазахъ — сіяющая бирюза.
Такія на гравюрахъ пожелтѣлыхъ
Бываютъ мягкіе, лучистые глаза.

Такими синими бываютъ лишь озера,
Въ которыхъ небеса отражены,
Но гдѣ-то есть взволнованные взоры,
И душу освѣжающіе сны.

Но есть тревожная порывистость движеній
Въ легчайшей поступи простого пастуха:
Такъ нѣкогда спѣшилъ первосвященникъ
Предостеречь отъ гнѣва и грѣха.

*
* *

Ползутъ года, какъ скрипъ телѣги,
Какъ надоѣвшая молва,
И каждый годъ несетъ побѣги
Тысячелѣтняя трава.

И каждый годъ, вѣкамъ ероша
Сѣдыхъ волосъ бѣгущій слѣдъ, —
Міръ — малолѣтній книгоноша
Съ соткомъ, гдѣ книгамъ — сотни лѣтъ.

*
* *

Крутые вѣтры за холмами,
А въ темной заводи пруда,
Межъ золотыми тростниками
Позеленѣвшая вода.

По вечерамъ, всегда прохладнымъ,
Въ поляхъ — темно, въ лѣсахъ — ни зги,
Гдѣ осень ловитъ ухомъ жаднымъ
Ночей неслышные шаги.

На желтыхъ заросляхъ бурьяна
Сѣдѣетъ иней по утрамъ,
Да жидкій день кладетъ румяна
На новый рядъ оконныхъ рамъ.

На стѣнахъ мухи коченѣютъ,
И вьются къ югу стаи птицъ,
А взоры меркнутъ и слабѣютъ,
Въ напрасномъ чаяньѣ зарницъ.

*
* *

Подъ прогресса державное шествіе,
Въ ослѣпительномъ кругѣ побѣдъ, —
Скоро будетъ Второе Пришествіе,
О которомъ вѣщалъ Архимедъ.

Это будетъ пришествіе Генія:
Онъ грядетъ, міровой властелинъ,
Переплавитъ людское кипѣніе
Въ ненасытную силу машинъ!

*
* *

Когда разсвѣтъ приходитъ вмѣстѣ
Съ пѣтушьимъ крикомъ и гудкомъ,
А по разбуженнымъ предмѣстьямъ
Пьютъ чай съ горячимъ пирогомъ,

И снѣгъ хруститъ подъ сапогами,
А изо рта клубится паръ, —
Люблю за синими лѣсами
Встрѣчать пылающій пожаръ.

Я радъ всему: фатѣ березки,
И отпечаткамъ чьихъ-то ногъ,
Кресту на дальнемъ перекресткѣ,
У расходящихся дорогъ.

Санямъ, которыя увижу
На поворотѣ, у села,
И этимъ хатамъ свѣтло-рыжимъ,
Гдѣ вдоволь хлѣба и тепла...

*
* *

Въ пожелтѣвшей, соломенной шляпѣ,
Зачарованный каждымъ цвѣткомъ,
Я колѣни свои исцарапалъ,
По колючкамъ бродя босикомъ.

Воробей-ли чирикнетъ, скучая,
Бормотнетъ-ли спросонокъ глухарь, —
Все изслѣдую, все испытаю,
Исповѣдывать стану, какъ встарь.

Какъ улыбку грудного ребенка,
Я всѣмъ сердцемъ своимъ уберегъ
Бѣгъ проворный, короткій и звонкій
Загорѣлыхъ мальчишескихъ ногъ.

Прослѣдилъ я, босой и веселый,
Какъ въ цвѣты устремивъ хоботки,
Хлопотливыя трудятся пчелы,
И ползутъ голубые жуки,

Какъ на травкѣ, гдѣ тѣни и блестки,
Солнце вяжетъ затѣйливый кругъ,
Нанизавъ золотые наперстки
На мизинчики крошечныхъ рукъ...

*
* *

Когда лелѣемыя свято,
Мечты теряются въ пути
И отцвѣтаютъ безъ возврата
Въ пустой и выжженной груди,

А юность, силы расточая
И бодрость черпая въ винѣ,
Горитъ, пылаетъ и сгораетъ
Въ уничтожающемъ огнѣ, —

Въ дымкомъ подернутое поле
Отрадно выѣхать чуть-свѣтъ,
Отдаться дикой, буйной волѣ,
И заалѣть, какъ маковъ цвѣтъ.

И гнать коня на полустанокъ,
Впиваясь въ розовый востокъ,
Когда прорвется изъ тумана
Далекій, радостный свистокъ.

И послѣ долгаго скитанья
Забраться въ дальнее купэ,
Улыбку бросивъ на прощанье
Засуетившейся толпѣ!

II

*   *

Земные мы. Стопой упругой,
По цѣлинѣ безвѣстныхъ странъ
Идемъ вослѣдъ за острымъ плугомъ,
Взрывая почву для сѣмянъ.

Насъ палитъ жаръ, и жалятъ осы,
А по ночамъ пугаетъ муть,
Когда невѣрный и раскосый
Буранъ захлестываетъ путь.

Идемъ и ждемъ, что солнце встанетъ,
И сѣмена произрастутъ.
.   .   . .   . .
Такъ часто въ бурномъ океанѣ
Домашній грезится уютъ.

Такъ человѣкъ — силенъ не тѣмъ-ли,
Что на землѣ, страдая самъ,
Уподобляетъ эту землю
Непостижимымъ небесамъ.

*
* *

Страна моя, въ твоихъ просторахъ
Гуляютъ вѣтеръ да кистень,
И перемѣшанъ черный порохъ
Съ золой сожженныхъ деревень.

Но тамъ, гдѣ глуше и безлюднѣй,
Гдѣ волчій голосъ не утихъ,
За гранью лѣтъ провижу будни
Свѣтлѣе праздниковъ иныхъ.

*
*   *

Какъ древле всходить на Голгофу,
Такъ трудно теперь поминать
Тѣ степи, гдѣ носятся дрофы,
И въ этихъ степяхъ не бывать.

Не видѣть красивыхъ миражей,
Не слышать кипѣнія рѣкъ,
Но чувствовать: родина та же
И въ этотъ измѣнчивый вѣкъ,

Когда за неистовой Русью
Дымится рубежъ полевой,
А годы, что дикіе гуси,
Лѣнивой плывутъ чередой.

И просишься мыслью крылатой
Подъ тихій, бревенчатый кровъ,
Любуясь на пламя заката
Въ пылающихъ окнахъ домовъ,

И славишь такія же нивы,
Такой же разсыпчатый снѣгъ,
А осенью — шорохъ дождливый
И скрипъ дребезжащихъ телѣгъ,

И эти сѣдыя вершины
У самой небесной тропы,
Гдѣ радостный крикъ журавлиный
Милѣй стоголосой толпы!

*

*

Пью до дна — за любившихъ когда-то
И анафему пѣвшихъ любви.
Пью послѣднимъ за перваго брата,
Чья рука неповинна въ крови!

Пью за синіе призраки ночи,
Пью за тѣхъ, кто любимъ и влюбленъ,
За любовь, — эту нить многоточій
Въ неразрѣзанной книгѣ временъ.

*

* *

Потянулись длинныя тѣни
Къ встрѣчной звѣздѣ.
Окунуло утро колѣни
Въ темной водѣ.

Гдѣ течетъ межъ болотными мхами
Бойкій ручей, —
Зачерпнули воду ковшами
Дѣти ночей.

И когда на свѣтъ проглянуло
Въ полѣ жнивье, —
Въ океанѣ огней потонуло
Утро мое!

*

* *

Все смерть снесетъ косой неутолимой,
Вперивъ безжизненный и неподвижный взоръ
Въ спиральный столбъ курящагося дыма,
Идущаго отъ мѣстъ, гдѣ разведенъ костеръ,

Въ которомъ все сгоритъ, и почести, и слава,
И честолюбіе, и прочность всѣхъ основъ, —
Подъ грохотъ лѣтъ спокойно-величавыхъ
На площадяхъ гремящихъ городовъ.

Но будетъ слышенъ шагъ очередного года,
И этотъ годъ сгоритъ, оставивъ легкій дымъ,
Но крестный путь пройдя до самаго исхода
Съ кудрями русыми и взоромъ голубымъ.

1 января 1923.

*   *

Чуть свѣтъ пасутся кобылицы,
Примявъ густой и сочный мохъ,
И славятъ день цвѣты и птицы,
И сладокъ небу каждый вздохъ.

Вотъ робкій лучъ скользнулъ смущенно
И замеръ въ пышныхъ облакахъ,
Какъ поцѣлуй, запечатлѣнный
На нѣжныхъ, дѣвичьихъ щекахъ.

*

Мы — звонари на колокольнѣ...
Надъ нами вьются небеса,
Гдѣ прихотливѣй и привольнѣй
Молніеносная гроза.
Пусть шатки ветхія ступени,
Но съ первымъ проблескомъ зари,
Приводимъ въ дрожь ночныя тѣни
Мы — молодые звонари.
Звенимъ о радостяхъ и славѣ,
Поемъ о горѣ и тоскѣ, —
И мудрый зовъ подобенъ лавѣ
На застывающемъ пескѣ.

Не затѣмъ, что раскованы цѣпи
И затихло кипѣнье въ груди, —
Надъ голодной и выжженной степью
Пронеслись грозовые дожди.

Не случайно надъ вражескимъ станомъ
Разметались огонь да свинецъ:
Скоро клятвамъ, грѣхамъ и обманамъ
Непреложный и правый конецъ.

Оттого, въ отшумѣвшемъ затонѣ,
Надъ сурьмой успокоенныхъ водъ,
Въ ослѣпительной, лунной коронѣ
Ясновидящій вечеръ встаетъ.

И звенитъ, и сверкаетъ огнями,
И пугаетъ недвижный камышъ,
Всколыхнувъ въ незатѣйливой рамѣ
Левитана — вечернюю тишь.

* *

Въ часъ, когда играютъ зори
На карнизахъ желтыхъ стѣнъ,
Воскресаетъ въ каждомъ взорѣ
Жажда новыхъ перемѣнъ.

Въ дальнемъ морѣ тонутъ взгляды,
И, купаясь въ черной мглѣ,
Гаснутъ синія лампады
На далекомъ кораблѣ...

*

Золотое солнце скатилось за крыши,
Утонувшія въ розовомъ съ алымъ.
Терпкій запахъ доцвѣтающихъ вишенъ
Разлился черезъ окна по заламъ.

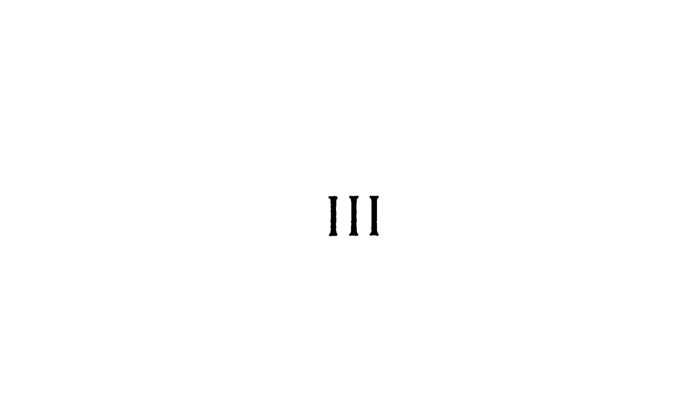
Подъ цвѣтеніе ихъ умираютъ вёсны
И волнуются въ залахъ платаны.
Но останутся только ели да сосны,
Да глава изъ романа. . .

*

*　　*

Умъ безъ мудрости, и гордость безъ смиренья, —
Почернѣвшій и неполный злакъ,
Нѣжной капли жесткое паденье
На сухой и пыльный солончакъ.

Но, какъ вихря въ огненной пустынѣ
Одолѣть не можетъ желтый плѣнъ, —
Такъ вовѣки живъ, и присно, и понынѣ
Мудрый и смиренный Діогенъ.

III

*
* *

Тому, кто ловитъ звонкій стихъ
Изъ устъ взволнованнаго Бога,
Отъ грѣшныхъ радостей земныхъ
Судьбой удѣлено немного.

Когда на травахъ нѣтъ росы,
А впереди — туманъ зловѣщій,
Въ такіе судные часы
Чей слабый духъ не затрепещетъ.

И кто пройти сумѣетъ путь
Къ порогу дней тропой весенней,
И тотъ порогъ перешагнуть
Безъ колебаній и сомнѣній.

*   *

Передъ престоломъ господина,
Изнемогающій отъ ранъ
И пытки, лютой и звѣриной,
Стоялъ невольникъ Іоаннъ.

«Ничтожный рабъ, путемъ обмана
Какъ смѣлъ ты ночью, не спросясь,
Нарушить сонъ принцессы Анны?»
Воскликнулъ въ гнѣвѣ старый князь.

«Кто право далъ тебѣ, худому
И недостойному рабу
Подъ кровлей княжескаго дома
Ея испытывать судьбу?»

И вдругъ раздался сладкій голосъ,
И словно дрогнула земля,
И, словно, чаша раскололась
Изъ дорогого хрусталя.

«О, мой отецъ, молю тебя я, —
Моей мольбѣ не прекословь,
Его люблю я, какъ — не знаю;
И мнѣ мила его любовь!..»

«Но онъ — холопъ, онъ —прахъ случайный,
Гонимый вѣтромъ дальнихъ странъ!»
«О, князь, дозволь повѣдать тайну!»
Дрожа, взмолился Іоаннъ.

«О, князь, превыше всѣхъ законовъ,
Щедротъ небесъ, даровъ дворца, —
Тотъ ключъ воды незамутненной,
Гдѣ омываются сердца.

И пусть на дыбѣ тянутъ жилы, —
Не устрашатъ ни моръ, ни плеть, —
О, Анна, дай такую силу,
Чтобы съ улыбкой умереть!..»

И князь, прикрывъ лицо руками,
Внималъ, безмолвный, какъ судьба,
А поутру, въ дворцовомъ храмѣ
Вѣнчали прежняго раба!

* *

Опять, разрѣзавъ лугъ зеленый,
Армада ветхихъ кораблей
Бросаетъ въ гавани безсонной
Кресты чугунныхъ якорей.

На нихъ слѣды ночного шторма,
И пусть ихъ нѣжитъ рѣзвый бризъ,
Вздымая мѣрно вверхъ и внизъ
Полуразрушенныя кормы, —

На нихъ остался запахъ прежній
Смолы и вѣтра южныхъ странъ,
И рѣдкій слѣдъ грозы нездѣшней,
Вонзившей стрѣлы въ океанъ.

*

* *

I

Въ январѣ водосвятьемъ
Славна Іордань,
Но весеннимъ заклятьямъ
Не положена грань.
Голубиный и древній
Все пріемлетъ завѣтъ, —
Шумный говоръ деревни
И паломный обѣтъ...
Языковъ колокольныхъ
По утрамъ болтовню,
Лучъ, ползущій привольно
По густому плетню.

II

Хорошо всѣмъ счастливымъ,
Не глядя на зной,
Нѣжить конскую гриву
Шершавой рукой,
И къ охотѣ горячимъ,
Въ разгарѣ страды,

Цѣловать собачьи,
Бархатные слѣды.
И густую кашицу
Заварить, — а котелъ
На кострѣ пусть дымится,
Отгоняя пчелъ.

III

И въ степи, между рожью,
Гдѣ не видно ногъ,
Хорошо быть похожимъ
На большой поплавокъ,
Журавлей, какъ червонцы,
Считать надъ собой,
Отъ палящаго солнца
Прикрываясь рукой,
И блаженныя рѣчи
Говорить водѣ,
Славить стадо овечье
Соловьемъ на дудѣ,

А потомъ завалиться
На траву, у костра,
Разметаться, забыться,
И почить до утра...

*   *

Все преходяще, все мгновенно,
Для умиранья зрѣетъ плодъ,
И, какъ въ моряхъ, проходитъ пѣна, —
Такъ день за днемъ, за годомъ годъ.

Но всѣхъ живыхъ и нелюбившихъ
Счастливѣй тотъ, кто жилъ и цвѣлъ,
Какъ сокъ, давно перебродившій
Всегда душистѣй свѣжихъ смолъ.

*   *

На пляжѣ, въ густомъ многолюдьѣ,
Покрывшемъ песчаный откосъ, —
Красивъ онъ, — съ обвѣтренной грудью
Простой, загорѣлый матросъ.

До самыхъ локтей позументы.
Идетъ, — и, какъ будто во снѣ,
Колышутся длинныя ленты
На крѣпкой, сутулой спинѣ.

Такой непокладистый малый, —
Объѣхалъ онъ множество странъ,
И видѣлъ пески Сенегала,
И Мурманъ, и знойный Оманъ.

Вдругъ — крикъ, суета и смятенье,
Вдали — опрокинулся челнъ:
Матросъ поблѣднѣлъ, и въ мгновенье
Исчезъ на поверхности волнъ.

Томительный мигъ ожиданья,
И двое вернулось на пляжъ.
Смѣхъ, возгласы, рукоплесканья —
«Да гдѣ же спаситель-то нашъ?..»

«Отказывается отъ платы,
Упрямъ, какъ гранитный утесъ».
Да кто же онъ, этотъ лохматый,
Простой, загорѣлый матросъ?

*

*

Радостно, бодро и весело
Идемъ по лугамъ.
Небо синія серьги развѣсило,
Улыбается намъ.

Серебрятся волнистыя линіи
По просторамъ степнымъ,
Нарядившимся въ мантіи синія,
Пополамъ съ золотымъ.

*
*   *

Господи, опять на подоконникѣ
Воробьевъ расположилась стая,
Слушая, какъ на губной гармоникѣ
Савояръ звенитъ, не умолкая.

Небо свѣтлое, свѣтлѣе лика Божьяго,
Южный вѣтеръ съ запахомъ вишневымъ:
Много въ немъ задорнаго и схожаго
Съ мальчуганомъ шустрымъ и бѣдовымъ,

Ухватившимся за выступъ цѣпкими
Пальцами, которыхъ нѣтъ упрямѣй,
И повисшимъ на приступкахъ крѣпкими
И босыми, смуглыми ногами.

*

*   *

Иду я простой, непутевый,
Радуюсь каждой пташкѣ,
Каждому звонкому слову,
Каждой цвѣтной рубашкѣ.
Кланяюсь стаѣ вороньей,
Ласкаю коня, какъ умѣю,
Бережно гладя ладонью
Вздрагивающую шею.
Все — въ цвѣту и весеннемъ разгулѣ,
Только, полныя набожной скуки,
Ивы къ водѣ протянули
Безутѣшныя руки.
Но въ прудѣ отразившись веселомъ,
И они зеленѣютъ, сверкая,
А по сучьямъ, вчера еще голымъ,
Вьется живчикомъ первое мая.

1 мая 1921.

*   *

Отрадно поступью спокойной,
Хрустя по гравію аллей,
Пройти, какъ вождь въ колоннѣ стройной
Пирамидальныхъ тополей.

И дальше все идти, — до боли,
Шагами мѣрить пустыри,
Въ ночномъ бродяжничая полѣ
До самой утренней зари,

Когда, взгрустнувъ по старой мамѣ,
Въ слезахъ вернешься и въ тоскѣ
Приникнуть сохлыми устами
Къ ея морщинистой рукѣ.

*

*

Есть чудный міръ, есть міръ скорбящій,
Гдѣ нѣтъ ни шутокъ, ни обидъ,
Гдѣ жжетъ огонь животворящій
Сѣдые ромбы пирамидъ.

Здѣсь меркнуть тайныя печали,
Земля суха, раскалена,
И грозный зной дрожитъ въ бокалѣ
Тысячелѣтняго вина.

Здѣсь похоронено веселье,
А воздухъ, — ломкое стекло,
Струитъ надъ желтой колыбелью
Невыносимое тепло.

*

* *

1.

Всему, что молодость напоминаетъ,
Глаза таятъ завистливый укоръ,
И никогда огнемъ не засверкаетъ
Давно-померкшій взоръ.
О, зависть нелюбившихъ!

2.

Такъ часто, въ октябрѣ, на вѣточкахъ березы,
Ее въ тоску и трепетъ приводя,
Дрожа, колеблются безжизненныя слезы
Осенняго дождя:
То слезы нелюбившихъ.

ИЗЪ ПРАНАСА МОРКУСА

(Съ литовскаго)

*

* *

Постлавъ дорожку звонкой пѣсней,
Подъ хохотъ бурь и крѣпкій громъ,
Къ звѣздѣ, которой нѣтъ чудеснѣй,
Къ звѣздѣ нездѣшней поплывемъ.

Усталыхъ путниковъ немного,
А въ морѣ гнѣвно и темно, —
Неустрашимые — въ дорогу!..
Доплыть, погибнуть — все равно!

Ладья, какъ другъ и даръ безцѣнный,
Неси насъ къ свѣтлымъ берегамъ,
И пусть захлестываетъ пѣна, —
Отъ брызгъ свѣжей и легче намъ!

*   *

Всѣ книги лгутъ красивой ложью,
Цвѣтутъ легендами сады,
Когда въ осеннемъ бездорожьѣ
Давно затеряны слѣды,

И проклинать, а не молиться
Зовутъ безстыдные глаза
Пустой и вѣтренной блудницы,
Смѣющейся на образа!

Тончайшей нитью рельсъ стальныхъ,
Чѣмъ дальше, суживаясь строго,
Мелькаетъ въ знакахъ верстовыхъ
Быстробѣгущая дорога.

Гляжу подъ мѣрный стукъ колесъ
Изъ оконъ тряскаго вагона,
И треплетъ вѣтеръ изступленно
Копну взлохмаченныхъ волосъ.

Въ вагонѣ пыль и толкотня,
Табачный дымъ и бабьи бредни,
Подъ храпъ желѣзнаго коня
Въ пробѣгѣ къ станціи послѣдней.

IV

„Тихія воды глубоки"
Будда

*

Если, мудрый, къ солнечному лику
Обратишь ты воспаленный взоръ, —
Знай: толпы, насмѣшливой и дикой,
Неминуемъ злобный приговоръ.

Надъ тобой глумиться станутъ люди, —
Не затѣмъ-ли, что они темны,
Что не съ ними радостно пребудетъ
Духъ Неопалимой Купины?

*
* *

Не тотъ герой, кто въ дни глухіе
Срывалъ съ врага косматый скальпъ
И велъ когорты боевыя
За Рубиконъ, къ вершинамъ Альпъ.

Не тотъ герой, кто у амвона
Стиралъ со лба кровавый потъ, —
Но тотъ, кто съ чернью изступленной
Шутилъ, всходя на эшафотъ.

Озарены вѣнцомъ терновымъ
И просверкаютъ сотни лѣтъ
Съ худымъ Емелькой Пугачевымъ
Луи шестнадцатый, Капетъ.

Въ ихъ тяжкой долѣ нѣтъ различья,
Но страшно то, что въ грозный часъ
За кровь царя и кровь мужичью
Отвѣтятъ многіе изъ насъ.

*
* *

Для дѣтей столичной суеты,
Въ шелкъ и бархатъ разодѣтыхъ,
Мысли, что грушевые цвѣты:
Осыпаются, и нѣтъ ихъ.

Но уже вкусившимъ отъ плода
Думы бережно взращенной, —
Съ Истины не свергнуть никогда
Ослѣпительной короны!

*
*   *

Изъ скорбной чаши Галилея
Ты пьешь, о Русь, который годъ,
И хочешь вѣрить, и не смѣешь,
Что эта чаша упадетъ!

Старый пастырь вновь у аналоя
Въ одѣяньѣ чище снѣжныхъ крылъ,
И струится въ пѣнье хоровое
Благовонный дымъ паникадилъ.

И звучитъ надеждою на отдыхъ
Господу многострадальный зовъ,
Отдаваясь въ полутемныхъ сводахъ
Сотнями созвучныхъ голосовъ.

„Ma nischtano halailo hase?“
„Чѣмъ эта ночь отличается отъ другихъ?“
Агада

*

*   *

Пятьдесятъ непокорныхъ столѣтій,
Въ ночь на Пасху, по древней стезѣ,
Повторяютъ еврейскія дѣти:
«Ma nischtano halailo hase?»

«Словно листья съ вѣтвей евкалипта
Насъ разсѣялъ Господь между странъ...
Мы рабами ушли изъ Египта
И царями вошли въ Ханаанъ».

И въ словахъ этихъ чуется горе,
И надъ ними рыдалъ не одинъ
Тамъ, гдѣ плещется Мертвое море,
Межъ развалинъ и древнихъ руинъ.

Гдѣ-то путники вышли въ дорогу,
Но, лишь звѣзды блеснутъ въ бирюзѣ,
Самый младшій поклонится Богу:
«Ma nischtano halailo hase?»

Я знаю дни, когда, синѣя,
Клубится вздохъ моей души,
Дыханьемъ вѣтра-суховѣя
Гонимый въ чащу, въ камыши.

Я знаю дни, когда стремится
Убiйца къ солнцу моему,
И мiръ, — веселый мiръ, стучится
Въ мою дремучую тюрьму.

Но быть безроднѣе безродныхъ
И ненавидимѣе всѣхъ, —
Всѣхъ генiальныхъ, всѣхъ свободныхъ, —
Одинъ удѣлъ и общiй грѣхъ.

Но чуять гнѣвъ сѣдыхъ нагорiй, —
И погибать, сломавъ весло,
Въ болотахъ, полныхъ инфузорiй, —
Невыносимо-тяжело!

* *

Подъ глазами темно. Губы сжаты.
Тайна смерти на желтыхъ щекахъ.
Запахъ ладана, воска и мяты,
Три горящихъ свѣчи въ головахъ.

Всѣ умремъ. Всѣ мы станемъ такими.
Отойдемъ безъ моленій и словъ,
Но оставимъ червонное имя
На темнѣющей бронзѣ вѣковъ.

*   *

Много дѣтокъ у милаго Бога,
Много ангеловъ въ дѣтской сторонкѣ,
А еще больше ихъ здѣсь, на землѣ,
Гдѣ отъ полюсовъ до экватора
Разступаются толпы, давая дорогу
Охотнѣй коляскѣ съ ребенкомъ,
Чѣмъ коню Императора!

ИЗЪ М. ГУСТАЙГИСА

(Съ литовскаго)

*

Пришли пловцы къ волнамъ сѣдымъ:
«Морякъ, давай свой челнъ!»
Кто далъ такое сердце имъ
Безстрашнѣй дерзкихъ волнъ.
Сверкаютъ счастьемъ ихъ глаза,
Лицо отъ бурь горитъ,
И даже гнѣвная гроза
Сердецъ не леденитъ.
«Не оттоваривай, старикъ,
Вѣдь вѣку вѣкъ не братъ, —
Къ чему ты въ юности привыкъ, —
Не повернешь назадъ!»

По глади свѣтло-голубой
Пусть плыть имъ суждено, —
Веди, прекрасный рулевой,
Послушное судно!
Отъ веселъ — тѣни по волнамъ,
Все дальше — пѣнный слѣдъ,
Откуда юнымъ морякамъ —
Возврата нѣтъ.

REQUIEM

*

*

За грудью небесъ свѣтло-синихъ,
Надъ гранями темныхъ озеръ,
Въ покрытыхъ снѣгами пустыняхъ
Блуждаетъ затерянный взоръ.

Пусть Западъ спокойствіемъ дышитъ,
Но сердце зоветъ на Востокъ,
Туда, гдѣ бураны колышутъ
Снѣга и примерзшій песокъ.

Гдѣ коршуновъ хищныя стаи
Пируютъ на желтыхъ костяхъ,
И смрадомъ отъ края до края
Зловонный разносится прахъ.

Гдѣ гнутся подъ трупами дровни,
Иконы бросаютъ въ лохань,
И жгутъ на подпалку часовни
Подъ хохотъ и пьяную брань.

Въ смятеньѣ мятежнаго духа,
Незримая міру гроза
Глушитъ непривычное ухо
И молніей рѣжетъ глаза.

Но чуется: гдѣ-то, далече,
Подъ саваномъ мертвой страны
Огни для божественной Встрѣчи
Невѣдомо-кѣмъ зажжены.

И вѣетъ, какъ въ знойномъ іюнѣ,
Отъ нихъ животворнымъ тепломъ,
Какъ будто земля наканунѣ
Предъ праведнымъ, Божьимъ судомъ!

1919.

E. Schkljar

„Flammen auf den Hohen“